

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 147

Декабрь 2011

Финогенов и другие против России [*Finogenov and Others v. Russia*] (жалоба № 18299/03)

Постановление от 20.12.2011 [Первая Секция]

Статья 2

Позитивные обязательства

Пункт 1 статьи 2

Эффективное расследование

Неадекватное приготовление к операции по освобождению заложников и отсутствие эффективного расследования: *нарушение*

Пункт 2 статьи 2

Применение силы

Гибель заложников вследствие использования потенциально опасного для жизни газа для нейтрализации лиц, взявших заложников: *нарушение не установлено*

Обстоятельства дела – Вечером 23 октября 2002 г. группа вооруженных террористов, принадлежавших к чеченскому сепаратистскому движению, захватила примерно 900 заложников в московском театре на Дубровке. Заявителями являлись либо заложники, либо родственники тех заложников, кто погиб в ходе последующей спасательной операции. Заложники удерживались под угрозой применения оружия, а здание театра было заминировано. Террористы требовали немедленного вывода российских войск из Чеченской Республики. Велись переговоры, и несколько заложников были застрелены. Тем временем власти создали «кризисный штаб» под руководством Федеральной службы безопасности, который осуществлял планирование спасательной операции. Утром 26 октября 2002 г. российские спецслужбы закачали неизвестный газ наркотического действия в зрительный зал через систему вентиляции здания. Через несколько минут, когда почти все террористы потеряли сознание в результате действия газа,

специальное подразделение проникло в здание и убило большинство из них. Затем заложники были эвакуированы из здания и отправлены в больницы на автомобилях «скорой помощи» или городских автобусах. Однако около 125 заложников погибло на месте, или во время перевозки, или в больнице. По факту данных событий было возбуждено уголовное дело, но впоследствии было решено, что в отношении планирования и проведения спасательной операции расследование проводиться не будет. Дальнейшие обращения заявителей в рамках уголовного судопроизводства, а также иски о возмещении морального вреда были отклонены.

Право – Статья 2

(а) *Применимость* – Официальные объяснения массовой гибели заложников сводились к тому, что погибшие были ослаблены осадой или же были серьезно больны. Официальное заключение экспертов содержало вывод о том, что «прямой причинной связи» между гибелью людей и применением газа не имелось. Последнее являлось лишь одним из многих факторов. Суду было трудно согласиться с таким выводом. Он посчитал маловероятным то, что 125 человек разного возраста и физического состояния скончались почти одновременно вследствие ранее существовавших проблем со здоровьем. Причиной их гибели не могли стать и условия, в которых они содержались в течение трех дней, когда ни один из них не умер, несмотря на длительное лишение воды и питания, усугубленное стрессом. Правительство признало, что было невозможно предвидеть, каковы будут последствия применения газа, и что некоторые потери были неизбежны, позволяя тем самым предположить, что газ не был безвреден. Несмотря на то, что причинение смерти террористам или заложникам, возможно, не планировалось, газ был опасен и потенциально смертелен для лиц, находившихся в ослабленном состоянии, и можно предположить, что он стал основной причиной смерти большого числа потерпевших. Таким образом, ситуация подпадает под сферу действия статьи 2.

(b) *Материально-правовой аспект*

(i) *Применение силы*: Заявители утверждали, что если бы власти пошли на переговоры, то положение с захватом заложников могло бы быть разрешено мирным путем, и никто бы не был убит. Однако Суд отметил, что ситуация в то время казалась очень тревожной: хорошо вооруженные боевики, преданные своим идеям, захватили заложников и выдвигали нереалистические требования. Переговоры, которые велись в первые дни, не принесли никаких видимых результатов, и положение заложников продолжало ухудшаться. Существовала реальная, серьезная и непосредственная угроза массовой гибели людей, и у властей были все основания полагать, что насильственное вмешательство является неизбежным. Соответственно, их решение прекратить переговоры и штурмовать здание не противоречило статье 2.

(ii) *Использование газа*: Хотя национальное законодательство допускало применение оружия и специальных средств в отношении террористов, оно не указывало, какой тип оружия или средств может быть применен, или обстоятельства, при которых их применение является допустимым. Однако общая неопределенность закона необязательно влечет нарушение статьи 2, в частности, в такой непредсказуемой и исключительной ситуации, как в настоящем деле, которая требовала специального решения. Хотя примененный газ и был опасен, и потенциально смертелен, но цель причинения смерти отсутствовала. Нельзя утверждать, что он применялся «неразборчиво», поскольку оставлял заложникам высокий шанс на

выживание, которое зависело от эффективности последующих мер по спасению. Все доказательства свидетельствовали о том, что газ оказал ожидаемое воздействие на террористов, лишив большинство из них сознания, что облегчило освобождение заложников и снизило вероятность взрыва.

Вывод: нарушение не установлено (единогласно).

(iii) *Планирование и осуществление спасательной операции:* Суд также должен был рассмотреть вопрос, планировалась ли и осуществлялась ли спасательная операция в соответствии с позитивными обязательствами, вытекающими из статьи 2, в частности, предприняли ли власти все необходимые меры предосторожности для того, чтобы свести последствия воздействия газа на заложников к минимуму, быстро их эвакуировать и обеспечить оказание необходимой медицинской помощи.

Спасательная операция не являлась спонтанной, поскольку у властей было около двух дней для того, чтобы ее обдумать и принять определённые меры предосторожности. Некоторая подготовка действительно была проведена: были привлечены сотни врачей, спасателей и других специалистов, приемные мощности больниц были усилены, служба «скорой помощи» была предупреждена о возможной массовой эвакуации. Однако первоначальный план операции содержал многие недочеты: по-видимому, отсутствовала централизованная координация различных служб, привлеченных к участию в операции; отсутствовали указания об обмене информацией относительно потерпевших и их состояния (одним из следствий этого было получение некоторыми потерпевшими нескольких доз антидота); неясно, какой был установлен порядок приоритетов для медиков; во время массовой перевозки потерпевших на городских автобусах медицинская помощь не оказывалась; отсутствовал четкий план распределения потерпевших по различным больницам, поэтому значительные группы поступали в одну и ту же больницу в одно и то же время.

Кроме того, имелись проблемы и при осуществлении спасательной операции: поскольку первоначальный план был основан на предположении о том, что заложники могут быть ранены взрывом или выстрелами, на месте отсутствовали токсикологи, а врачи не получили конкретных указаний, какую помощь оказывать заложникам, которые подверглись воздействию неизвестного газа. Представляется вероятным, что врачи не были информированы об использовании газа до того момента, как эвакуация почти окончилась, этим объясняется то, что большинство эвакуированных потерпевших были положены на пол лицом вверх, что повышало угрозу удушья и гибели заложников. Действительно, трудно понять, почему информация о газе не могла быть предоставлена врачам и спасателям заранее – или до его применения, или, по крайней мере, сразу после такового, – и почему эвакуация началась так поздно, что большинство заложников, находившихся без сознания, оставались под воздействием газа без медицинской помощи более часа. Многие свидетели также указывали на нехватку антидота, также было неясно, в какой момент его вводили или как отличали уже получивших его от тех, кто еще не получил.

Все изложенные обстоятельства указывали на то, что спасательная операция не была достаточно подготовленной, и соответственно, государство не исполнило свои позитивные обязательства, вытекающие из статьи 2.

Вывод: нарушение (единогласно).

(с) *Процессуальный аспект* – Расследование спасательной операции было явно неполным. Прежде всего, оно было очень ограниченным, исключавшим любую вероятность халатности властей. Даже притом, что следствие рассмотрело некоторые вопросы планирования и проведения спасательной операции, многие факты, имеющие большое значение для разрешения вопроса о возможной неосторожности, так и не были установлены. Наиболее существенными из них являются то, что формула газа не была раскрыта следствию, не было установлено, когда было принято решение о применении газа, или сколько времени имелось для оценки побочных эффектов его применения. Это невозможно было установить из рабочих документов кризисного штаба, поскольку, по утверждению Правительства, все они были уничтожены. Учитывая, что данные документы могли стать основным источником сведений о планировании и проведении спасательной операции, Суд счел такое неразборчивое уничтожение документов неоправданным. Более того, следствие не смогло допросить всех членов кризисного штаба, в частности лиц, ответственных за принятие решения о применении газа и расчет его дозы, или иных свидетелей, как, например, водителей автобусов, журналистов, или тех, кто предположительно участвовал в установке распылителей газа. Не было установлено, сколько врачей дежурило в день операции, или какие предварительные указания получили работники «скорой помощи» и водители городских автобусов относительно места доставки потерпевших. Кроме того, не было установлено, почему массовая эвакуация началась только через два часа после начала операции или сколько времени потребовалось для ликвидации террористов и нейтрализации их взрывных устройств. Наконец, расследование не было независимым, поскольку в нем участвовали представители правоохранительных органов, которые несли прямую ответственность за планирование и проведение спасательной операции. Таким образом, расследование предполагаемой халатности властей в настоящем деле не было тщательным или независимым и, соответственно, не было «эффективным».

Вывод: нарушение (единогласно).

Статья 41: Компенсации в размере от 8,800 евро до 66,000 евро каждому из заявителей за причиненный моральный вред.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that

the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.